

В. Г. Белинский

Журнальные и литературные заметки

Виссарион Белинский

**Журнальные и
литературные заметки**

«Public Domain»

1843

Белинский В. Г.

Журнальные и литературные заметки / В. Г. Белинский — «Public Domain», 1843

«Зная не только, что и как пишется в наших журналах, но и догадываясь наперед, что и как будет в каждом из них писаться, мы не принадлежим к числу ревностных их читателей. Если же и заглядываем в них, так больше для своего личного удовольствия, из желания прочесть иногда что-нибудь забавное, – нежели по обязанности. А между тем, ища удовольствия, встречаем иногда и пользу: время от времени попадаются в журналах вещи курьезно поучительные, по поводу которых иногда невольно раздумаешься о том и о сем...»

Содержание

Продолжение	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13
Комментарии	

Виссарион Григорьевич Белинский

Журнальные и литературные заметки

Зная не только, что и как пишется в наших журналах, но и догадываясь наперед, что и как будет в каждом из них писаться, мы не принадлежим к числу ревностных их читателей. Если же и заглядываем в них, так больше для своего личного удовольствия, из желания прочесть иногда что-нибудь забавное, – нежели по обязанности. А между тем, ища удовольствия, встречаем иногда и пользу: время от времени попадаются в журналах вещи курьезно поучительные, по поводу которых иногда невольно раздумаешься о том и о сем. Так как теперь большая часть наших журналов, за исключением «Отечественных записок», «Библиотеки для чтения» и «Северной пчелы», известна публике только разве по именам, и то из помянутых известных ей изданий, – то мы и приняли благое намерение, если не сохранить для потомства, то хотя сделать известным для современников редкости и драгоценности, которые, как оазисы в пустыне, попадают в малоизвестных периодических изданиях. Равным образом, может попасться много интересного в том или другом отношении и при перелистывании старых журналов, старых и новых книг. Все такое мы намерены или пересказывать, или просто выписывать, с собственными заметками, когда дело требует пояснения, или и без заметок, когда дело красноречиво говорит само за себя. Будучи уверены в занимательности подобных заметок для читателей, мы намерены сделать из них род постоянной статьи, время от времени помещаемой в отделе «Смеси» «Отечественных записок»^[1]. Так как наши заметки не имеют ничего общего ни с осами, ни с шмелями, ни с трутнями, ни с комарами, ни с другими животными^[2], то мы их и называем просто «журнальными и литературными заметками». Вот несколько таких заметок для начала.

* * *

С некоторого времени в русскую поэзию закралась странная и неприличная изысканность в мысли и выражении. Многие критики справедливо и строго вооружились против нее. Мы думали было, что она и кончилась, как вдруг открыли, к изумлению своему, следующее известие о ней в «Русском вестнике»:

Из 12-ти пьес в стихах, находящихся во втором томе «Беседы», замечательнее всех стихотворение г. Шевырева. Но разве г. Шевырев все еще пишет стихи? Да, пишет, прекрасные, как проза, чистые, как вода, нравоучительные, как изречения Антония Мурета отрокам. Видите, какой-то поэт умер. Г-н Шевырев так рассердился за смерть его, что не советует юношам призывать вдохновение *на высь чела*, венчанного *звездой* (?), не заводить песнопений пред суетной толпой!

Коль грудь твою огонь небес объемлет,

то берегись, говорит г. Шевырев, берегись: в рифму – рок не дремлет! И рассуждает он далее, что наш век горькой прекрасного не любит, бессмысленно сосуд прекрасного губит, и все равно ему, хоть гроза смяла роскошного (?) мотылька, хоть увяла роса в пламенном распеве, хоть застыл в горах зачавшийся поток, или хоть поэт пал, зажавши рану груди. Стихи очень хороши, но мысль их кажется нам не совсем верною. Не все, чью грудь огонь небес объемлет, не все, призывающие вдохновение на высь чела, венчанного звездой, умирают, зажавши рану груди. Есть поэты, которые пишут стихи и стишки, а между тем живут себе спокойно.

Такие; поэты есть на белом свете, и, следственно, мысль почтенного г. Шевырева не вполне верна. Что, если русские поэты испугаются, послушают совета г. Шевырева, перестанут писать стихи вовсе? В таком случае, мы принуждены приняться за стихи самого г. Шевырева, потому что, запрещая другим, сам он кропать стихи не перестанет. Делать нечего – будем мы их тогда читать и восклицать: «О суетная толпа! О безумный век! О корыстный век! вот до чего мы дожили!»

О горький век! мы, видно, заслужили,
И по грехам нам, видно, суждено

читать стихи вроде перевода «Валленштейнова лагеря», или «Освобожденного Иерусалима», какими подарил нас некогда г. Шевырев, или стихов «На смерть поэта», коими украсил он 2-й том «Беседы»! Впрочем, в каком прекрасном саду не растут полынь и крапива?^[3]

Впрочем, мы, кажется, ошиблись: из выписки явствует, что тут дело идет совсем не об изысканности и вычурности в выражениях и мысли: напротив, критик отдает полную справедливость художественным красотам стихов поэта и не согласен с ним только в мысли. Но, в последнем отношении, верно многие возьмут сторону поэта против критика: если бы все другие русские поэты, послушав совета г. Шевырева, замолчали, многие охотно стали бы прибавляться превосходными стихами г. Шевырева, как восхищаются его несравненными критическими статьями. Г-н Шевырев стяжал себе двойной венок – как поэт и как критик: это доказывают все труды его по той и другой части – и перевод отрывка из «Освобожденного Иерусалима», где он так удачно усыновил русской версификации итальянскую октаву^[4], и его критические статьи о стихотворениях г. Бенедиктова, где он так ясно доказал, что г. Бенедиктов шагнул дальше Жуковского и Пушкина^[5], и о стихотворениях Лермонтова, где с такою тонкостью заметил он, что Лермонтов подражал в своих стихах то Жуковскому, то Пушкину, то г. Бенедиктову^[6]. Подобные заслуги со стороны г. Шевырева русской поэзии и русской критике, кажется, достаточны для извинения его в стихотворении, подобном «На смерть поэта», если б его выражение было и вычурно, а мысль отзывалась старчеством или детскостью, – чего, однако ж, мы вовсе не видим.

* * *

Кто не помнит того времени в нашей литературе, когда эпиграммы были в таком ходу, что каждый поэт, эпический, драматический или лирический, непременно должен был написать хоть несколько эпиграмм? Сам Пушкин заплатил полную дань этому направлению, и только Лермонтов – поэт совершенно новой эпохи – не написал ни одной эпиграммы^[7]. Но теперь этот приятный род сочинений, кажется, опять входит в моду, преимущественно тщанием и усердием известного стихотворца старого времени г. Михаила Дмитриева. Вот одна из его эпиграмм, живо напоминающая старое доброе время владычества французского классицизма в нашей литературе:

Мой шестистопный ямб тяжелым ты нашел!
Да, друг! он для тебя не в первый раз тяжел!^[8]

Должно быть, что дело идет о каком-нибудь усердном читателе или слушателе стихов автора эпиграммы. В таком случае, нельзя не сознаться, что эпиграмма остра и ядовита, хотя и написана в невинном классическом духе. Но вот две эпиграммы в романтическом роде:

.....у.

Ага! узнал и тотчас ты заметил
Мои стихи – признайся – почему?
Не правда ли, ты с жадностью их встретил,
Как пес лозу, знакомую ему?
Кусай – прошу: что, горьки или сладки?
Но чтоб вперед не дать тебе повадки,
Тупым зубам напомним я стихом,
Что он живет, что много силы в нем
Добить твои последние остатки^[9].

С. Ш.

К. Н. Н.

Как не узнать тебя, пискливого Фрерона,
Тебя, наездника на палочке верхом,
Ферульной критики лихого Дормидона!
Ты хохлишься индейским петухом
И мне грозишь беззубыми стихами —
Молчи, пискун! Ну, где ты находил,
Чтоб льва могучего, с зубами и когтями,
Когда-нибудь осел копытом бил?^[10]

Первая из этих эпиграмм напечатана в московском, а вторая в одном из петербургских журналов. Без сомнения, обе они прекрасны, но петербургская, кажется, лучше.

* * *

Наконец «Северная пчела» разразилась грозною статьею против «Мертвых душ», о появлении которой она позаботилась объявить назад тому уже с месяц^[11]. Судя по времени, в продолжение которого эта знаменитая статья писалась, мы ожидали, что она превзойдет даже знаменитые статьи той же газеты о *седьмой главе* «Онегина» Пушкина, о «Юрии Милославском» г. Загоскина и «Басурмане» Лажечникова, три знаменитые статьи^[12], в которых помянутые произведения были, что называется, втоптаны в грязь. Но ожидание наше не сбылось: статья вышла предобрая и пренаивная. Особенно понравилось нам, что она напоминает собою критики блаженной памяти «Вестника Европы» и журналов, издававшихся в России еще прежде «Вестника»: тот же взгляд, та же манера, те же понятия и тот же образ выражения! Главная нападка, разумеется, на то, что действующие лица в романе Гоголя всё дураки и негодяи. Нападка столь же несправедливая, сколь и не новая! Во-первых: действующие лица в «Иване Выжигине» тоже всё дураки или негодяи, а между тем роман г. Булгарина был превознесен «Северною пчелою». Да что «Иван Выжигин»? Вспомните, что сказано в известной статье остроумного Косичкина о действующих лицах и прочих романов г. Булгарина...^[13]

Во-вторых: как же рецензент «Пчелы» не заметил двух мест в поэме Гоголя, из которых первое нам объясняет, почему добродетельный человек не взят в герои:

Потому что пора наконец дать отдых бедному добродетельному человеку; потому что праздно на устах вращается слово «добродетельный

человек»; потому что обратили в лошадь добродетельного человека, и нет писателя, который бы не ездил на нем, понукая и кнутом и всем, что ни попало; потому что изморили добродетельного человека до того, что теперь нет на нем и тени добродетели, а остались только ребра да кожа вместо тела; потому что лицемерно призывают добродетельного человека; потому что не уважают добродетельного человека (стр. 431).

В другом месте автор ясно говорит, что его герой не подлец:

Теперь у нас подлецов не бывает; есть люди благонамеренные, приятные, а таких, которые бы на всеобщий позор выставили бы свою физиономию под публичную оплеуху, отыщется каких-нибудь два, три человека, да и те уже говорят теперь о добродетели (стр. 465).

Вторая нападка рецензента состоит в том, что в поэме Гоголя нет – видите – *содержания!!*.. Вот уж тут мы не знаем, что и сказать, – то есть хоть и знаем, да боимся понапрасну потратить слова: мы учились эстетике по новым книгам, а рецензент, как заметно по тону и смыслу его статьи, человек прошлого века и «содержание» смешивает с «сюжетом», идеал же романа видит в бабьих сплетнях и рассказях о разной небывальщине, составляющей сюжет какой-нибудь «Черной женщины»^[14].

Третья нападка грозной рецензии направлена на обилие неприличных и не употребляемых в высшем обществе слов, каковы: *подлец, свинья, свинтус, бестия, каналья, бабешка, ракалия, фетюк, скалдырник, мошенник, напакостить* и т. п., которые употребляются действующими лицами в романе Гоголя. Особенное неблаговоление благовоспитанного рецензента навлекло на себя слово *фетюк*, употребленное Ноздревым, и при нем, в выноске, объяснение автора, что «*фетюк*, слово обидное для мужчины, происходит от буквы ѳ, почитаемой некоторыми неприличною». Что сказать на это? Так как мы не принадлежим к тому *высшему* обществу, которое столь знакомо рецензенту «Северной пчелы», то и ограничимся на этот раз небольшою выпискою из статьи князя Вяземского, которому настоящее высшее общество известно по крайней мере не менее кого другого. Вот что говорит князь Вяземский, по поводу «Ревизора», о нападках словоловов на неприличные слова, встречающиеся в этой комедии:

У которого-то из них уши покраснели от выражений: *суп воняет, чай воняет рыбою*. Он уверяет, что теперь и порядочный лакей того не скажет. Да мало ли того, что скажет и чего не скажет лакей? Неужели писателю ходить в лакейские справляться, какие слова там в чести и какие не в употреблении? Так, – если он описывает лакейскую сцену; но иначе к чему же? Например, Осип в «Ревизоре» говорит чисто лакейским языком, лакея в нем слышим деревенского, который прожил несколько времени в столице; это дело другое. Впрочем, критик, может быть, и прав; в этом случае мы спорить с ним не будем. *Порядочный лакей*, то есть, что называется *un laquais endimanche*¹, точно, может быть, постыдится сказать: *воняет*, но *порядочный человек*, то есть благовоспитанный, смело скажет это слово и в гостиной и перед дамами. Известно, что люди высшего общества гораздо свободнее других в употреблении *собственных слов*: жеманство, чопорность, щепетность, оговорки, – отличительные признаки людей, не живущих в хорошем обществе, но желающих корчить хорошее общество. Человек, в сфере гостиной рожденный, в гостиной – у себя, дома; садится ли он в кресла, – он садится как в свои кресла; заговорит ли, – он не боится переговориться.

¹ празднично выряженный лакей (фр.). – Ред.

Посмотрите на провинциала, на выскочку; он по смеет присесть иначе, как на кончике стула, шевелит краем губ, кобенясь, извиняется вычурными фразами наших нравоучительных романов, не скажет слова без прилагательного, без оговорки. Вот отчего многие критики наши, добровольно подвизаясь на защиту хорошего общества и ненарушимости законов его, попадают в такие смешные промахи, когда говорят, что такое-то слово неприлично, такое-то выражение невежливо. Охота им мешаться не в свои дела! Пускай говорят они о том, что знают; редко будет им случай говорить, – это правда, но зато могут говорить дельное. Можно быть очень добрым и рассудительным человеком и не иметь доступа в высшее общество. Смешно хвастаться тем, что судьба, что рождение приписали вас к этой области; но не менее смешно, если не смешнее, не уроженцу, или не получившему нрава гражданства в ней, толковать о нравах, обычаях и условиях ее. Что вам за нее рыцарствовать? Эта область сама умеет стоять за себя, сама умеет приводить в действие законы своего покровительства и острацизма. Все это не журнальное дело. У вас уши вянут от языка «Ревизора»: а лучшее общество сидит в ложах и креслах, когда его играют; брошюрка «Ревизора» лежит на модных столиках работы Гамбса. Не смешно ли, не жалко ли с желудком натошак гневаться на повара, который позволил себе поставить не довольно утонченное кушанье на стол, за коим нет нам прибора?..^{2[15]}

Наконец, четвертая и главная нападка рецензента устремлена на промахи против грамматик г. Греча. Здесь рецензент говорит с особенною важностью и убедительностью, как человек, вошедший в свою стихию, где ему и привольно и безопасно. Действительно, язык у Гоголя не отличается мертвою правильностью, и на него легко нападать грамотеям и корректорам, которые считают *язык и слог* за одно и то же, не подозревая, что между *языком* и *словом* такое же неизмеримое расстояние, как и между мертвою, механическою правильностью рисунка бездарного маляра-академика и живым оригинальным стилем гениального живописца. Но посмотрите, какие ошибки отыскал рецензент в поэме Гоголя против языка: «молодой человек *оборотился назад*» (ошибка?!); «скромно *темнела* серая краска» (по мнению рецензента, должно: *темнелась!!*.); «при (?) них стоял учитель, поклонившийся вежливо и с улыбкою» (нет, восклицает рецензент... *стоявший при них учитель поклонился*) и т. п... Не довольно ли? Ведь уж видно, о каком дерзновенном восстании Гоголя и против какой грамматики и логики говорит он – против грамматики г. Греча и логики г. Рождественского... Из всех указанных им примеров «самого неправильного и варварского языка и слога» у Гоголя справедливо осуждено разве одно слово *узрет* вместо *узрен*: действительно, великая ошибка со стороны Гоголя, и мы охотно верим, что строгий рецензент никогда бы не сделал подобной, так же, как никогда бы не написал «Мертвых душ».

Впрочем, рецензент не все хулит, кое-что он и хвалит, исполняя таким образом обязанность истинной критики, как ее понимали назад тому лет за сорок: сказав вообще, что роман плох, он заметил неприличные выражения, потом грамматические неправильности, затем слегка кое-что похвалил, а в заключение выписал несколько хороших мест, тщательно им выбранных, чтоб тем лучше удружить автору. Понятия о содержании, идее, о творчестве и т. п. – предметы самые старосветские, и новому времени принадлежат только выражения, вроде следующих, которых не терпело старинное приличие, – например, что все хорошее в романе Гоголя «утопает в какой-то смеси *вздору, пошлостей и пустяков*», «удивляемся *безвкусию и дурному тону*, господствующим в этом романе», «язык и слог самые неправильные и варварские» и т. п.

² «Современник» 1836 г., т. II, стр. 295–296.

Продолжение

Все согласны, что русская литература довольно небогата, так что охотникам до русских книг просто нечего читать, если они хотят читать только одно хорошее. В 1840 году вышел «Герой нашего времени», а в 1842 году вышли «Мертвые души». Если включить сюда пять-шесть повестей в журналах и альманахах – вот и все по части прозы... Кто будет спорить, что для прочтения *всего этого* немного нужно времени? В 1840 году вышли стихотворения Лермонтова, а в 1841–42 году, от дня смерти поэта почти до настоящей минуты, напечатаны в «Отечественных записках», кроме небольших пьес, отрывки из «Демона» и поэма «Боярин Орша»; если включить сюда вышедшие в нынешнем году стихотворения г. Майкова да еще пять-шесть стихотворных пьес, рассеянных по журналам и альманахам, вот и все, что явилось примечательного по части стихов в последние два года!.. Опять никто не будет спорить, что для прочтения *всего этого* нужно слишком мало времени... Репертуар русской сцены – эта арена гг. Кукольника, Полевого, Ободовского, Коровкина, Соколова и многих других, – репертуар русской сцены представляет собою то засохшее поле, на котором ни былинки, то, после долгих проливных дождей, покрытую грибами и дождевиками поляну... Вообще, наша драматическая литература хуже всякой другой нашей литературы; о ней не стоило бы даже и говорить. Но все это дело весьма поправимое, и притом легко поправимое. Удивляемся, как никому не пришло в голову этого простого средства, и только одна «Северная пчела» могла придумать его. В 42 № этой газеты напечатано, между прочим, следующее:

Хладнокровие к русской литературе и русским художествам – грех противу русской народности, следовательно, и противу патриотизма. Вы скажете нам: да виноваты ли мы, что за границу пишут лучше (*чем – где?*), что водевили Скриба лучше наших, что драмы Дюма и Виктора Гюго занимательнее (*чего?*), что романы Евгения Сю, Бальзака и Жорж Занд превосходнее (*чего?*), что «Les Francais peints par eux-memes³» лучше «Наших»?.. Быть может, не спорим. Но если в годовых своих расходах вы полагаете тысячу рублей на вист и тысячу рублей на непредвидимые мелкие издержки, определите, *пожалуйста*, хотя *пятьсот рублей на русские книги! Не читайте сами, если они вам не нравятся, но отсылайте каждую зиму в деревню, в вашу деревенскую библиотеку. Пусть они лежат там спокойно. Придет время, и ваш потомок воздаст вам за это честь и хвалу! – Вам скучно в русском театре – нет нужды! появляйтесь там в представление каждой новой русской пьесы, особенно оригинальной, это принесет большую пользу искусству!* Пьесы пишутся по публике, и когда люди высшего вкуса и образования станут появляться в русском театре, пьесы будут изящнее.

Как жаль, что под этою прекрасною статьею не подписано имени ее сочинителя, которое, таким образом, не перейдет в потомство и не приобретет заслуженного им бессмертия! Какой проект, боже мой, какой проект! Как он прост и удобоисполним! А между тем какие великие результаты должны из него выйти! Литература процветет, то есть потомки прочтут книги, которые не стоили внимания современников, и будут обязаны живейшею благодарностию собирателям этих драгоценных библиотек... Увидя, что и высшее общество ездит зевать и спать на представленья новых русских, особенно оригинальных, пьес, – наши драматурги вдруг приобретут и талант, и вкус, и ум, и чувство приличия, и знание жизни, словом, все, чего они с такою истинно достойною удивления решимостию до сих пор не хотят приобретать... Помилуйте,

³ «Французы, зарисованные ими самими» (фр.). – Ред.

да такой проект больше всякой книги заслуживает демидовскую премию!..^[16] Честь и слава газете, где печатаются такие дивные проекты!

* * *

Что такое патриотизм и патриоты – всякий знает; но не всякий знает, что патриоты разделяются на два разряда. Одни получают имя патриотов за свои заслуги от общества и от истории, как получили его Минин, Пожарский, Сусанин и другие, не дожидаясь приговора общества, которое часто бывает завистливо, и истории, которая всегда бывает медленна. Другие сами себя провозглашают патриотами, потому что громче других говорят о любви и ревности ко всему отечественному. У нас в литературе теперь особенно много развелось патриотов второго разряда. Между ними даже есть люди, не умеющие без ошибки против языка написать двух строк по-русски, но тем не менее в своей патриотической ревности затевающие преобразование русского слога^[17]. Другие, прижавшись за какого-нибудь опытного корректора, кое-как понаострились писать русским складом, за что даже стяжали себе славу «сочинителей» на всех толкучих рынках, где, между прочим хламом, продаются, и порознь и мешками, книги, которые не пошли в ход из книжных лавок или которые прежде бойко шли, но потом, как говорится, вдруг оборвались^[18]. Третьи, чтобы сделать для всех яснее свой патриотизм, пишут языком времен Кошихина^[19], примером русских мужиков и баб уличают бог знает в чем Гоголя и французских романистов, которые, разумеется, ничего об этом не знают, а потому и не могут исправиться. Вообще, эти третьи всех интереснее. Россия не сходит с их пера, и, читая их писания, не знаешь, чему больше дивиться: тому ли, что они, подобно мухе Крылова, хлопочут о том, что и без их хлопот хорошо идет,^[20] тому ли, что они пишут для такого класса людей, который, по незнанию грамоты, не может читать их, или, наконец, той наивной скромности, с которою они дают знать, как крепко залегла у них на сердце мысль о благосостоянии всего отечественного... Один из этих господ недавно дал совет русским образованным классам, чтобы они посылали своих детей учиться русскому языку в крестьянские избы!!.^[21] Впрочем, дело решенное, что тяжелые труды, часто не вполне вознаграждаемые современниками, составляют принадлежность только патриотов первого разряда; патриоты же второго разряда всегда и везде благоденствовали^[22], и, должно быть, на них метил Крылов этими чудесными стихами:

А смотришь: помаленьку —
То домик выстроит, то купит деревеньку...^[23]

История о ножичке (факт для будущего историка русской литературы). В 63 № «Северной пчелы» нынешнего года помещено, между прочим, письмо гг. Анифьева, Страхова и Вагина, мастеров села Павлова, к какому-то Ивану Ильичу. Письмо это напечатано под названием «Защита добрых русских мастеров» и заключает в себе возражение на статью о селе Павлове, напечатанную в «Живописном обозрении»^[24]. Оно оканчивается следующими, равно любопытными и для современников и для потомства, строками:

...Милостивый государь Иван Ильич, мы и решились вас покорнейше попросить этим письмом взять на себя труд увидеться с его высокоблагородием Фадеем Венедиктовичем Булгариным, как ревностным защитником и любителем всего отечественного, и попросить его, не поместит ли он хотя небольшой статейки, в защиту наших изделий против «Живописного обозрения», в «Северной пчеле», всегда верной и беспристрастной вестнице о всех произведениях отечественных, которую мы около десяти лет постоянно

читаем и перечитываем, а в особенности статьи г. Булгарина, всегда с особенным удовольствием.

При сем г. Булгарин *предъявляет* в выноске следующее:

Литературные мои противники могут обвинить меня в тщеславии, самолюбии *и в чем угодно (sic!)* за то, что я не вычеркнул из письма лестных для меня выражений. Подвергаюсь охотно всем упрекам и насмешкам журналов, по эта похвала русских грамотных мастеровых так для меня лестна, так радует меня и утешает, что я не променяю ее на целые печатные листы журнальной похвалы и на самые кудрявые французские или русские комплименты *(разумеется, если бы таковые имелись)!*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

«Литературные и журнальные заметки» впервые появились именно в этом номере «Отечественных записок» и систематически печатались в журнале в течение двух последующих лет, иногда называясь «Журнальными и литературными заметками».

2.

Намек на сатирический ежемесячник «Осы» («Les Guepes», 1839–1849), издаваемый французским литератором А. Карром, и на сборник фельетонов Булгарина «Комары» (полное название: «Комары. Всякая всячина. Рой первый». СПб., 1842). В. Р. Зотов вспоминал: «В 1842 году имели успех, впрочем весьма эфемерный, маленькие книжки, выходившие неперіодически, в форме «Ос» Альфонса Карра. Этот сборник анекдотов, мыслей, остроумия, мелких заметок о современной жизни, переделанный на русские нравы, оказался у нас весьма тщедушным и недолговечным. Появление таких брошюр началось с «Комаров» Булгарина, которым редактор «Северной пчелы» придал второй заголовок своего газетного фельетона «Всякая всячина». Выпуска два были прочтены с любопытством, но потом, видя в них те же грязные сплетни и ту же рекламу разным торговцам, как и в «Пчеле», публика перестала интересоваться ими. Князь Вяземский написал на них злую эпиграмму, начинающуюся стихом: «Комар твой – не комар, а разве клоп вонючий» («Исторический вестник», 1890, № 2, с. 338).

3.

Белинский цитирует рецензию Н. А. Полевого на второй том «Русской беседы» («Русский вестник», 1842, № 1, отд. III, с. 66). Полевой разбирает стихотворение Шевырева «На смерть поэта».

4.

См. примеч. 13 к статье «Сочинения Зенеиды Р-вой».

5.

См. примеч. 13 к статье «Стихотворения Полежаева».

6.

Речь идет о статье Шевырева «Стихотворения М. Лермонтова» («Москвитянин», 1841, № 4),

7.

Эпиграммы Лермонтова появились в печати позже и не были известны Белинскому.

8.

Помимо этой сравнительно безобидной эпиграммы, опубликованной в «Москвитянине» (1841, № 6, с. 299), М. А. Дмитриев был автором многих распространявшихся в списках злых эпиграмм на представителей прогрессивного лагеря, в том числе на самого Белинского, на Герцена и др. (см. «Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1812–1850». М., «Наука», 1974, с. 305, где приводится отрывок из письма Н. М. Языкова, который сообщает брату, А. М. Языкову, что М. А. Дмитриев «продолжает писать злейшие эпиграммы на так называемых наших гегелистов и коммунистов» (автограф ПД, 19.4.25).

9.

Эпиграмма Шевырева на Н. А. Полевого («Москвитянин», 1842, № 3, с. 21).

10.

Эпиграмма Н. А. Полевого на Шевырева («Русский вестник», 1842, № 4, с. 60).

11.

В «Северной пчеле» (1842, № 119) Булгарин писал, что скоро в газете «будет помещен разбор» «Мертвых душ». Рецензия на «Мертвые души» была написана Н. И. Гречем («Северная пчела», 1842, № 137).

12.

Статья о седьмой главе «Евгения Онегина» появилась в «Северной пчеле», 1830, № 35, 39, о романе «Юрий Милославский» М. Н. Загоскина – в «Северной пчеле», 1830, № 7, 8, 9, о «Басурмане» И. И. Лажечникова – в «Северной пчеле», 1839, № 46, 47.

13.

Речь идет о статье А. С. Пушкина «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов», опубликованной под псевдонимом «Феофилакт Косичкин» («Телескоп», 1831, ч. IV, № 13).

14.

«Черная женщина» (ч. I–IV. СПб., 1834) – роман П. И. Греча, пользовавшийся в свое время довольно большой известностью.

15.

Белинский цитирует статью П. А. Вяземского «Новая поэма Э. Кине «Napoleon...» («Современник», 1830, т. II). См. о ней наст. изд., т. 1, с. 520.

16.

Ежегодная премия Академии наук, учрежденная в 1831 г. сроком на 25 лет, на средства П. Н. Демидова.

17.

Намек на О. И. Сенковского.

18.

Речь идет о Ф. В. Булгарине и его сочинениях.

19.

Точнее: Г. К. Котошихина, автора книги «О России в царствование Алексея Михайловича» (1666); опубл. в 1841 г. Ошибка Белинского объясняется тем, что в издании 1841 г. имя автора ошибочно обозначено «Кошихин».

20.

Басня «Муха и Дорожные».

21.

Под «третьим» подразумевается С. А. Бурачек. См. примеч. 88 к статье «Речь о критике».

22.

К «благоденствующим патриотам» Белинский относил М. П. Погодина.

23.

Цитата из басни «Лисица и Сурок».

24.

Статья «Село Павлово» («Живописное обозрение», 1841, т. VI, с. 194–196).